

Витька до чёртиков боялся годовой контрольной по физике. За четверть он умудрялся вытягивать на хорошую отметку: основные формулы записывал на ладони, «сдувал» и решал задачи. Попробуй уместить на руке за год! Даже богатырской пятерни не хватит, а у него, как ни крути, детская.

— Такой родился — с дефектом памяти, — оправдывал двойки Витёк перед братом-студентом.

— Заведи конспект, коль память ущербная, — подсказывал тот. — Очень хорошо помогает.

Брат развернул свои внушительные конспекты и показал, как надо конспектировать тему урока.

Витёк послушался, рьяно взялся, но усидчивости хватило всего на два задания. Кстати, то, что он законспектировал, к удивлению, осталось в голове, и ни один сквозняк эти знания выдуть не мог.

— Я смотрю, дело у тебя не в памяти, а в обыкновенной лени, — сделал вывод брат. — Если тебе тяжело писать конспекты, заведи доску памяти. Это интереснее.

— Поясни.

— Берёшь пластиковую доску размером с тетрадь и пишешь на ней мелом формулу, затем стираешь, по памяти снова пишешь. Ошибся — заглянул в учебник. Исправил. Стёр — и по новой. Игра, а не занятия. К тому же отлично тренирует зрительную память.

Попробовал — точно игра! Но и она отнимает массу времени. Предметов-то много: когда же выкроишь секунду на компьютерные автогонки или сражения великанов, где от тебя зависит исход битвы? Нет, доска — не его мера. Надо что-нибудь попроще да проворнее. Стоит подумать. Но думалось плохо, а годовая контрольная неудержимо накатывается, как асфальтовый каток. Ничем не остановишь.

«Стоп! Совсем недавно прочитал о симпатических чернилах. Вот где находка! Беру доску памяти, пишу на ней все формулы и правила».

Виктория Александровна к чудачеству с доской привыкла. «Пусть упражняется, коль придумал, вреда не будет», — рассуждала она про себя.

Но строго предупредила:

— Если будешь ею греметь и елозить по столу, заставлю спрятать.

С минуту помолчала и с улыбкой добавила:

— В народе говорят: если боишься забыть какую-то вещь для путешествия — сядь на неё заранее. Может, и тебе, Семёнов, стоит сидеть на твоей доске памяти? Лучше дойдёт.

Класс над Витькой похихикал, да тут же забыл о его заморочке. Он внутренне саркастически усмехнулся и стал деятельно готовиться к годовой контрольной. Отыскал в Интернете состав симпатических чернил, изготовил и принялся заносить формулы и правила на доску. Получалось отменно: стоит провести пальцем по записи, как она

появляется на несколько секунд и тут же исчезает. Кто в чём может тебя уличить? Если надо, чтоб запись держалась подольше, пару раз проведи пальцем. Он же тёплый, тридцать шесть и шесть десятых градусов.

Словом, дело шло ходко. Витя рад без памяти. Даже на шведской стенке с настроением поупражнялся по примеру брата. И снова за писанину. Но вот незадача — доска оказалась маленькой. Взясся писать слишком крупно. Надо мельче. Пришлось стирать и начинать всё сначала.

Немного расстроился, но пустяки, какой триумф его ожидает — пятёрка за годовую! Тут уж не до расстройства, тут радость! Снова размялся на шведской стенке, и пошла писать губерния. Мелкий шрифт так и стелется, так и укладываются формула за формулой, правило за правилом! Почти весь учебник переписал. Тут снова доска закончилась, но самые важные формулы всё-таки остались в книге. Вот досада. Придётся либо подыскивать доску чуть больше, либо писать ещё мельче.

Решил писать ещё мельче. Долой всю писанину! Выбрал размер шрифта, просчитал, и — поехало! Употел, проголодался до чёртиков. Брат узнал, в чём дело, как-то необычно улыбнулся и по плечу похлопал:

— Иди спать, позевота рот до ушей тянет. Завтра всё начни сначала.

«Правильно,— молча согласился Витя,— зато какой эффект! Пятёрка на весь лист! Виктория Александровна так и ставит отличникам, на весь лист, чтобы далеко было видно! Зелёным фломастером. Правда, и двойки на весь лист — только красным. Эта пара ещё виднее, как фонарь в ночном городе».

Назавтра, придя со школы, Витя не торопясь и основательно пообедал, чтоб червячок голода не отвлекал от важнейшего дела, и уселся за письмо. Прикинул предварительно, как он разместит формулы и правила, прочитал их, сосчитал знаки, пробелы — кажется, на этот раз всё вместится — и, глубоко вздохнув, как перед глубоким нырком с трамплина, принялся за дело.

Писал, а сам думал: «Да, непросто будет разобраться в такой мелкоте. Где какую формулу искать? Ну да ничего, не так страшен чёрт, как его малюют».

К полуночи уставший, но счастливый Витя захлопнул последнюю страничку учебника и отправился спать. Завтра — контрольная.

Как он и предполагал, на классной доске красовались шесть задач. Не задачи, а задачищи! По три на каждый вариант. Но Витёк не пал духом. Он деловито уселся за стол, вытащил совершенно чистенькую доску памяти и стал ожидать, когда на неё ляжет двойной тетрадный лист от руки физички. Она сама и только сама любила раздавать ученикам эти листы. Она не раздавала, а священнодействовала. И впервые за всю школьную жизнь Витёк не трепетал от труднейшей контрольной. Он знал: его труд не пропадёт даром, симпатические чернила вырчат.

Витя прочитал первую задачу. Откашлялся, приподнял листки контрольной, постучал корешками о доску памяти, как бы собираясь с мыслями, соображая, где же и в каком месте искать формулу к решению первой задачи, и... батюшки! Он увидел почти все строчки своей писанины, все формулы и ту, что в данном случае требовалась. Витя перепугался: что произошло с симпатическими чернилами? Ведь не прикасался к доске и пальцем! Он ошалело глянул на соседа Генку. Тот смотрел на то, как Витька стучал листками о доску памяти, и ровным счётом на его физиономии не отразилось ни малейших эмоций.

«Он не видит то, что вижу я! — обрадованно пронеслась мысль. — Волшебство какое-то, хотя я в эти волшебные штучки нисколько не верю».

Витёк торопливо опустил на место листы и принялся с быстротой молнии чертить формулу, писать решение и ответ. Сосед Генка покосился на Витю и с завистью прошептал:

— Ну ты даёшь!

А Витёк уже читал вторую задачу. Ему даже не потребовалось приподнимать листы, чтобы взглянуть на доску памяти. Тут формул потребовалось целых две, и он видел их через бумагу! Вот тебе и не верь в волшебство. Не захочешь, а поверишь. Он видит всё, что ему надо. Несколько минут — и вторая задача решена. Смешно говорить — задача: пустяшная задачка! Генка же грыз ручку и пыхтел над первой, второго варианта. Витя небрежно написал на Генкином черновике верную формулу, и тот от удивления округлил глаза.

Для решения третьего задания пришлось применить целых три формулы. Они вытекали из поэтапного действия. Витёк видел их перед собой, словно своей рукой на чистом листе только что написал без всяких симпатических чернил.

— Ура! — через пару минут сказал Витёк, поставив жирную точку в контрольной. — Виктория Александровна, я решил все задачи. Могу быть свободным?

Класс удивлённо загудел, словно футбольные фанаты от удара мазилы-футболиста, не попавшего в створ ворот с трёх метров.

— Не гони лошадей, Семёнов, покажи решение.

— Пожалуйста, только приготовьте зелёный фломастер!

— Посмотрим-посмотрим, — не веря своим глазам, сказала физичка, но через несколько секунд у неё в руке появился заветный карандаш цвета зелёного светофора, и Виктория Александровна приятно улыбнулась Семёнову, красиво вывела оценку.